

А. Е. Зимбули,
профессор кафедры эстетики и этики

ПРОФЕССИЯ УЧИТЕЛЯ СКВОЗЬ ПРИЗМУ ЭТИКИ

*Учитель! Перед именем твоим
Позволь смиренно преклонить колени!*
Н. А. Некрасов (1868 г.)

*И обновленная Россия
Надела с выпушкой штаны.*
А. А. Шишков (1825 г.)

Век живи, век учись.
Русская пословица

Наверное, и конокрад и казнокрад по-своему могут быть счастливы. Но самое высокое, по-человечески полное счастье, несомненно, сопряжено не с потреблением,

а с творчеством, не с утаиванием, а с открытиями, не с присвоением, а с дарением. Именно такими высокими смыслами испокон веку наполнена деятельность учителя.

Кто бы он ни был — воспитатель в дошкольном учреждении или преподаватель вуза, руководитель кружка в сельском клубе или инструктор в военно-десантной школе — раз за разом, вместе с очередными подопечными он обязательно проходит восхождение от неумения-незнания-неспособности по направлению к тому, что на современный лад скучновато именуется набором базовых компетентностей. Понятно, не следует идеализировать людей, занятых в данной сфере. Как и везде, тут могут случаться разные казусы. Но мы же знаем, что, несмотря на встречающихся кое-где неумек среди медиков или воинов, профессия врача и воинская профессия вместе с учительской принадлежат к числу важнейших и уважаемейших.

Причём особо стоило бы обратить внимание вот на что. Если медицина защищает здоровье граждан, а армия — их жизни, имущество и общее достояние, то образование по своей сути нацелено на более созидательную деятельность. Девиз врача, как известно, издавна звучит: «НЕ НАВРЕДИ»¹. Девиз воина мог бы звучать: «ЗАЩИТИ». А учителя: «ПОМОГИ САМОРАЗВИТИЮ». История однозначно свидетельствует о совершенствовании целей и средств этого саморазвития. Свидетельствует о несомненном уходе от «стимулирования» розгой, о неуклонном нарастании во взаимоотношениях учитель—ученик таких общечеловеческих ценностей, как уважение, доверие, свобода.

Сугубо важен вопрос, а кто же заказчик у сферы образования. Допустим, в случае с армией всё достаточно просто. Там заказчик, очевидно, не рядовой призывник (или его родители), да и не военком. В наличии своей сильной армии заключён прямой интерес *всего сообщества*. Это отлично показал уже Никколо Макиавелли. Со времён раздробленной Италии много воды утекло, но актуальность общенационального интереса в самозащите не ослабла, пусть её и дополняют теперь интересы военно-промышленного комплекса. Пора бы всем нам понять, что заказчик образования — тоже

не отдельный ученик с ближайшими родственниками, какие бы широкие демократические свободы в сообществе ни провозглашались и ни отстаивались. Не партия и правительство, сколь бы мудрыми и заботливыми они ни были. Но прежде всего — это *наше общее будущее*.

Будущее, на пути к которому нас подстерегают многочисленные проблемы и испытания. Почти банально в этой связи упоминать о войнах, природных катаклизмах, болезнях, нищете, неурожаях — причём жизнь показывает, что в самые сложные периоды люди продолжают учиться и учить. А вот о другом испытании я бы хотел несколько слов сказать. Отдаю себе отчёт, что моя мысль кому-то покажется крамольной. Мысль эта об испытании сытостью. Деньгами. Наградами. По моему глубочайшему убеждению, гранты могут оказаться для человеческой культуры опасней, чем индульгенции. Там хоть объяснение и цели были более возвышенные — спасение души человеческой. Здесь же самооценка вхождения личности в культуру начинает рассматриваться в логике калькуляции. Искусственно нарастает отчётность-плановость, разбухает чиновничий аппарат, а главное — *смещается цель образования*. Чего ни в коем случае нельзя допускать. Не абсурд ли, когда обучение грамоте проводится с упором на измерение скорости чтения! И не абсурд ли, когда в том же искусстве почёт приравнивается популярности, тем более, если эта популярность достигается подчас известными ныне средствами манипуляции общественным сознанием! Убеждён: игры в гранты — это нечто перпендикулярное основным научно-образовательным процессам. Полностью солидарен с мнением Виктора Антоновича Садовниченко: «Нам нельзя идти и дальше по прагматично-рыночному пути. Высшее образование — это не бизнес»². Правда, я бы внёс в это высказывание маленькое дополнение, пояснив, что речь должна вестись не только о высшем образовании. Да и не только образовании. Разве искусство или медицину допустимо переводить на рыноч-

ные рельсы? А социальную сферу? А армию?! Впрочем, сейчас разговор идёт об учителях.

Именно учителям приходится на себе испытать и пытаться минимизировать активные веяния массовой культуры, проявляющиеся в том, как взамен традиционных для нашей культуры открытости, отзывчивости навязывается конкурентный напор; на смену ценности усердия в честном труде рекламируется жажда урвать кусок побольше; а вместо скромности и неприхотливости внедряется дух жадного потребительства. Не знаю, кто как, а я догадываюсь, что даже образ Емели из русской народной сказки про щучье веленье не означает безоглядное потребительство-лень. Ведь чтобы улечься на печь, нужно было эту печь изначально сложить!

Не берусь судить, с чьей лёгкой руки (кстати, не только руки — сразу вспоминается и выражение «лёгкость в мыслях необыкновенная») в последние месяцы стало распространяться словосочетание «образовательные услуги». Традиционно понятие «услуги» распространялось на такие сферы, как коммунальные удобства, связь, парикмахерская, баня. Речь в этих случаях шла о выполнении работ по предусмотренному прейскуранту. Услуги — это то, что позволяет заказчику выложить деньги и получить требуемое. Здесь имеют место взаимоотношения клиента (заказчика, хозяина) и прислуги. Или продавца. Между прочим, бывают и полулегальные интимные услуги. Но разве можно — не хотел бы никого обидеть! — сравнить труд учителя с работой продавца, парикмахера или служащего ритуальной конторы! Ясно, что и торговать, и делать маникюр, и захоранивать можно старательно, умело, компетентно. Но даже у медицинского работника с пациентом не обязательно складываются такие *сотворческие взаимоотношения*, какие *непреренно должны возникнуть у учителя с учеником*. Кстати, что-то не слыхал о политических услугах — применительно к политикам-профессионалам. Хотя ведь и управленцам самого высокого уровня нередко поручают

выполнить вполне определённый объём работ (примеры — от Рюрика до Хиддинка). Могу, стало быть, объяснить возникновение словосочетания «образовательные услуги» чьей-то абсолютной языковой глухотой и глубочайшей бестактностью. Интересно, а пограничник — выполняет услуги? А родитель? Понятно, если это родитель настоящий, а не так называемый «суррогатный». Неужели кто-то не ощущает разницы между словами «слуга», «прислуга», «служащий», «служитель»? Первое из которых — родовое-внеоценочное, второе — статусно-подчинённое, третье обозначает вид труда в отличие от крестьянского и пролетарского, тогда как четвёртое — содержит в себе оттенок высокого стиля и распространяется на тех, кто не просто отрабатывает обязанности, но посвящает свои душевные силы избранному делу.

Близким образом несколько слов нужно бы сказать о профессионализме. Это в прежние века воином можно было стать за считанные часы и дни. Сейчас практически все понимают: даже в условиях всеобщей воинской повинности необходимы профессиональные офицеры, без которых призывникам было бы немыслимо освоить азы солдатской науки. В необходимости профессиональной медицины, пожалуй, никто не сомневается. Как и в необходимости профессиональных водителей, поваров, политиков, управленцев. Почему же кого-то нужно убеждать, что педагогическая деятельность — это специфическая профессия! Подозреваю, и у этой проблемы ноги могут расти прежде всего в тех областях, где раздаётся звон монет. Выскажу мнение, которое вряд ли оригинально. Хотя у меня нет статистических выкладок, но убеждён: в учителя обычно шли вовсе не те люди, кто желал бы прославиться или разбогатеть. Наверное, это и хорошо, что денег, власти и славы как-то принято искать в других сферах.

Где-то, кажется, у Мариенгофа, встречал реплику персонажа по поводу голода в Поволжье: «Ого! Какая коммерческая перспектива!» Конечно же, встречаются и сре-

ди учительской гильдии подобные субъекты. Где их нет! В медицине? Юриспруденции? Политике? Армии? Но основная масса преподавателей (уж про российских это можно сказать точно!) самого разного ранга живёт по принципу: не до жиру, быть бы живу.

Думаю, было бы в высшей степени поучительно разобраться в том, что творится в душе у среднестатистического школьного или вузовского преподавателя. И велик ли ещё запас терпения, скромности, великодушия в адрес обстоятельств, а также тех, кто обстоятельства задаёт. Разобраться в том, какими парадоксальными механизмами осуществляются взаимодействия между учителем и учеником, преподавателем и администрацией — в целом миролюбиво и к вящей пользе сообщества. Как гасятся профессиональные конфликты и переплавляются околопрофессиональные обиды. Как удаётся учителям — ведь если судить по неуклонному восхождению культуры, прогресс имеет место — сформировать такие личности, что всё далее и далее двигают мировую историю. Убеждён, понимание названных процессов многое дало бы и для образования, и для других сфер. Может, тогда даже в банковском бизнесе людям удалось бы оградить себя от жестокостей и надувательства. Но поскольку такового исследования пока не провели, мы можем рассуждать лишь в самом общем виде — опираясь не на социально-психологические, статистические выкладки, а на историко-культурные, этико-философские основания.

Попробуем всмотреться в основные этически значимые аспекты учительской профессии. Хочется подчеркнуть: не *морально-нравственные*, не *морально-этические*. Когда кто-то в устной или письменной речи использует подобные словосочетания, меня так и подмывает спросить: вы говорите или нет — *счётно-арифметические*, *погоднометеорологические*? Чем же провинились мораль с нравственностью и этикой, что их упорно не различают и то и дело упоминают всеу? Если в обиходе выражения *безнравственно*, *аморально*, *неэтично* звучат

как синонимы, так уж пусть и не будет места тавтологиям типа *масло масляное*. В подавляющем большинстве случаев достаточно одного из упомянутых терминов, чтобы выразить суть дела. Чаще предпочтение диктуется сложившимся словоупотреблением: *нравственные проблемы (ценности)*, *моральный выбор*, *этическая экспертиза* и пр. Конечно, если говорить с максимальной точностью, то под *нравственностью* в русском языке принято понимать практически складывающиеся отношения между людьми, поступки, нравы. Под *моралью*, в отличие от этого, разумеют отражение этих взаимоотношений в людском сознании — в умонастроениях, представлениях о нормах, принципах, идеалах, в выносимых нами друг другу и себе самим оценках. *Этика* же — это наука, старающаяся со времён Аристотеля вскрывать закономерности в указанной области, обоснованно различать добро и зло, трактовать справедливость, несправедливость и тому подобные явления. Но вновь подчеркну, как правило, в терминологические тонкости никто не вдаётся, а значит, упоминание близких по смыслу слов чаще всего сводится к тавтологии.

Итак, исключительно этически значима уже сама профессия учителя, в силу её процессуальных особенностей, предназначения. И даже удивительно, что не с профессии учителя история ведёт учёт профессионально-этическим кодексам. Впрочем, тут не должно быть места ревности. Как раз напротив, учителям можно бы осмысливать свою специфику с учётом наилучших достижений, сделанных в других сферах. А достижений таких немало. Древнейший хрестоматийный образец — «Клятва Гиппократата». Она пережила более двух тысяч лет и сохранила свой главный посыл: самообязательство человека, принимающего на себя ответственность за профессиональный труд в избранной области. Ответственность профессионала перед обществом и коллегами (в том конкретном случае — ещё и перед богами Олимпа). Показательно, что Гиппократ в своей «Клятве» — не упоми-

нал о *любви* врача к пациенту или к коллеге. Хотя древние ещё как знали толк в любви и умели отличить любовь к спутнице жизни, к другу и к родине, любовь продажную от истинной. И именно потому, что текст «Клятвы» был тщательнейшим образом выверен, соотнесён с реальной жизнью и с возможностями медиков, этот текст выдержал испытание временем.

В разных странах за последовавшие затем столетия сочинены многочисленные тексты военной присяги, торжественной клятвы главы правительства, есть присяги таможенника, пожарного и множество других подобных документов. В последние годы возникла своего рода мода на создание этических кодексов фирм, корпораций, предприятий. Свою задачу в данном случае я вижу не в том, чтобы анализировать разные тенденции и отдельные тексты. Мне хотелось бы прежде всего констатировать: профессионалы раньше или позже приходят к осознанию своей уникальной социальной миссии, и к пониманию того, что данную миссию невозможно выполнить, если не учесть ключевых нравственных проблем и не обозначить основные ценностные векторы профессии. Помимо воинской, учительской и врачебной, наиболее очевидна специфика и важность в таких профессиональных областях, как журналистика, юриспруденция, сфера обслуживания, политика, торговля. Хотя и милиционер, спортсмен, администратор тоже выходят на нравственные обобщения. Ведь именно в этих сферах как нигде высокой может быть цена профессионального брака. Брака, причиной которого выступает нравственная несостоятельность работника — его нечестность, безответственность, жестокость, несправедливость.

Несколько лет назад мне довелось опубликовать, а затем и вынести на обсуждение общественности вариант учительской клятвы³. Убеждён и сейчас, что вариант этот обладает рядом важных достоинств: прежде всего, краткостью, ёмкостью, обобщающей силой, отсутствием ненужного пафоса и завышенных обещаний.

Вообще говоря, логика осмысления (а затем и фиксации их в тексте) этических аспектов профессии — не только учительской, а и любой иной — должна опираться на учёт: во-первых, перечня наиболее существенных позитивных личностных качеств, без которых выполнять профессиональные обязанности затруднительно, невозможно или даже опасно (для окружающих и/или самого работника); во-вторых, перечня тех негативных качеств, которые препятствуют успешному выполнению профессиональных обязанностей; в-третьих, перечня профессиональных рисков — наиболее типичных проблемных ситуаций и искушений, чреватых профессиональной и личностной деградацией; в-четвёртых, вытекающего из вышеперечисленного свода нравственных предостережений, запретов, советов, предписаний. И совершенно ясно, что все эти соображения вовсе не обязательно перечислять в тексте конкретного кодекса (клятвы, заповедей или иного жанра нравственных обязательств профессионала перед коллегами и сообществом). Иначе может показаться, например, что какие-нибудь правила пользования метрополитеном Санкт-Петербурга важнее Десятословия Моисея... Да и нужно быть реалистом: держать в голове многострочный (а то и многостраничный!) инструктивный текст попросту непродуктивно.

Рассказ об обстоятельствах появления полустраничного текста и о перипетиях, выпавших на его долю, мог бы занять немало места, потому я подробности опускаю. Скажу предельно коротко: после опубликования в газете родного педагогического вуза и проведённого социологического опроса среди студентов (900 человек высказались одобрительно) текст был обнародован на Европейском форуме «Учитель XXI века», что проходил в нашем городе в мае 1997 г. Также я познакомил с текстом видного деятеля отечественного образования Ш. А. Амонашвили. Выяснилось, что в Европе независимым образом возник альтернативный текст⁴, и Ш. А. Амонашвили тоже думал в эту сторону и создал свой вариант клятвы.

Так в итоге мне стали известны три (включая мой) варианта «Клятвы учителя»⁵, и я думаю, что вопрос о целесообразности учительской клятвы, а также о конкретном её тексте должен решаться кем-то объективным, независимым, компетентным. А уж будет ли торжественное обещание приниматься ещё в стенах педагогического вуза или в месте, куда молодой преподаватель придёт по профессиональному набору, станут ли краткую распечаточку вручать вместе с выдаваемым дипломом — эти вопросы для меня не так важны. Я старался разобрататься с самыми насущными нравственными проблемами учителя и с главными ценностными векторами этой профессии.

Сегодня в нашей стране такие условия, что не Политбюро ЦК КПСС и не Совет министров определяют стратегию общественного развития. Многое зависит от нас самих. В частности — от тех людей, кто занят на ниве просвещения. В нашей воле постараться, чтобы не рвалась связь времён и чтобы жизнь в образовательных учреждениях разворачивалась не на принципах «кто смел, тот и съел» или им подобных. Но чтобы общение между учителем, администрацией, учеником (и его близкими), а потом у выпускника с теми, кто попадёт в орбиту его взаимодействий, складывалось почеловечески одухотворённо, ответственно, гуманно, творчески.

Примечания

1. Хотя, будь моя воля, я бы дал иную формулировку. Например, «УКРЕПИ ЗДОРОВЬЕ».
2. АиФ. 2009. № 13.
3. См.: Педагогические вести. № 26 (2255). 28.12.1995.
4. Автор так называемой «Клятвы Сократа» — немец М. Борхерт; ход же обсуждения двух альтернативных текстов, моего и Борхертского на упомянутом форуме в Петербурге — едва ли не детективная история.
5. В качестве приложения приведены три текста «Учительской клятвы» (см. следующую страницу). В левой колонке приведён текст, сочинённый Ш. А. Амонашвили (даётся по изданию: *Амонашвили Ш. А. Гуманно-личностный подход к детям*. М.: Изд-во «Институт практической психологии»; Воронеж: Изд-во НПО «МОДЭК», 1998. С. 538). Автор текста, помещённого в средней колонке, — М. Борхерт (ФРГ). Правая колонка — текст, возникший в стенах РГПУ им. А. И. Герцена.

КЛЯТВА УЧИТЕЛЯ

(3 варианта)

* * *

Я — Амонашвили Шалва Александрович, добровольно выбрав профессию Учителя и находя в ней свое призвание, глубоко сознавая свою причастность за сохранение и процветание жизни на Земле, с полной ответственностью принимаю на себя заботу о судьбе Ребенка, о судьбах детей,

Клянусь:

- любить детей, любить каждого ребенка от всего сердца;
- быть им верным и преданным;
- следовать цели раскрытия, развития, воспитания, утверждения в Ребенке личности;
- быть оптимистом в отношении любого ребенка в любых случаях.

Обязуюсь:

- постоянно и усердно заботиться;
 - о приобщении детей к высочайшим ценностям общечеловеческой культуры и нравственности;
 - о развитии и воспитании в них доброты, заботы о людях, о Природе, о выживании человечества;
 - об очеловечении знаний и очеловечении среды вокруг каждого ребенка;
 - об овладении искусством гуманного общения с детьми, с Ребенком.
- Клянусь:**
- не вредить детям;
 - не вредить Ребенку.

* * *

Клятва Сократа

Во имя ребенка, во имя будущего природы и культуры, во имя будущего человечества как Учитель и Воспитатель **клянусь:**

- клянусь уважать личность ребенка, как если он был уже взрослым;
- клянусь отвечать за его физическую и духовную неприкосновенность;
- клянусь развивать его врожденные способности во благо его, во благо окружающих его людей, во благо мира;
- клянусь не сломать, но укрепить волю ребенка, охранять его там, где он слаб, направлять его там, где он силен;
- клянусь открыть ему путь к познанию мира, каков он есть;
- клянусь, что не оставлю его в познании без надежды;
- клянусь, что покажу ему, как обрести счастье в малом и постараюсь вложить в его душу стремление к лучшему;
- клянусь, что буду учить его служению истине и терпимости к заблуждению.

Клянусь также:

- заботиться о том, чтобы оставить грядущим поколениям мир, в котором стоило бы жить;
- быть примером для ребенка и показать ему, как можно преодолевать собственные слабости, бороться с искушениями и трудностями;
- противостоять обстоятельствам — давлению общественного мнения, корпоративным интересам, служебным инструкциям, — если они будут мешать мне претворять в жизнь объявленные здесь принципы.

* * *

Избирая делом своей жизни профессию учителя, я торжественно клянусь

в соответствии со своими силами и разумением:

- учить предмету и жизни каждого своего ученика — без различия, покладистый он или умный, способный или не очень, богатый или бедный;
- своим примером доброжелательности, справедливости, нестяжательства утверждать в Отечестве идеалы порядочности и гуманизма;
- способствовать созданию в школе духа честной соревновательности, взаимной поддержки и выскательности;
- в отношениях со своими коллегами, родителями учеников неизменно руководствоваться интересами дела и взаимной уважительности;
- выполнять просветительскую, культурно-творческую миссию с достоинством, без исповования угроз и насилия; тем самым всемерно укреплять престиж профессии учителя как одной из самых нужных и гуманных профессий на Земле.